

Трепет

Каким же сюрпризом ты хочешь меня удивить?

На прошлом занятии с Одноклассником Линем, стараясь не выходить из образа бедного студента, Лофань наплел ему с три короба о своем браке по расчету. Услышав те откровения, Линь знатно помрачнел.

Да и кто станет уважать человека, который продается какому-то старику ради выгоды? В глазах Одноклассника Линя он, должно быть, выглядел расчетливым, легкомысленным мерзавцем, сделавшим из священных уз обычную сделку. Лофань был уверен, что после такого признания парень больше не переступит порог студии. И каково же было его удивление, когда тот продлил курс еще на два занятия!

Ли Цзысянь, заметив его замешательство, решила, что он против:

— Он просил поставить уроки на вечер вторника и среды на следующей неделе. Если тебе неудобно...

— Нет-нет, все в порядке, я смогу!

Пусть Лофань и понятия не имел, зачем Линь продлевает занятия, одна лишь мысль о том, что он снова увидит этого холодного красавца, заставляла сердце трепетать от предвкушения. Лофань согласился без малейших колебаний.

Ли Цзысянь с облегчением выдохнула и размашисто хлопнула его по плечу:

— Ну вот и славно, младший. Деньги я с тебя даром брать не буду. В награду за то, что возишься с этим Одноклассником Линем, я сегодня преподам тебе пару уроков по работе со светотенью и колоритом.

Она взяла набросок, который Лофань оставил в прошлый раз, и критически его осмотрела:

— На примере этой работы я наглядно покажу твои сильные и слабые стороны. Талант у тебя, бесспорно, есть — картина буквально дышит вдохновением. Но вот техника хромает: ты пока не умеешь правильно распределять свет и тени. Ну и, конечно, слишком мало практикуешься. Давай-ка разберем подробнее. Смотри сюда...

Ли Цзысянь взяла кисть и сделала несколько точечных мазков прямо поверх его рисунка:

— Если вот здесь сгустить краски, то верхний план сразу заиграет более яркими, живыми оттенками. Это чистой воды оптический контраст. Секрет не в том, чтобы бесконечно высветлять освещенные участки, а в том, чтобы сделать тени глубже и тяжелее.

С этими словами она уверенными движениями нанесла густой слой краски на стыке света и тени. Всего несколько скользящих движений кисти — и плоский пейзаж на глазах обрел объем. Свет и тень четко разграничились: освещенные места вспыхнули внутренним сиянием, а затененные — ушли в глубокий, бархатистый полумрак. Плавный градиент на их стыке сделал картину поразительно живой и осязаемой.

Задача, над которой Лофань безуспешно бился столько времени, разрешилась парой легких взмахов кисти. словно распахнулось наглухо закрытое окно, впустив в комнату поток свежего воздуха и яркого солнца — перед юношей открылся совершенно новый путь. Лофань, сияя от восторга, перехватил кисть:

— Я понял! Старшая сестра, дай мне попробовать самому!

— И еще кое-что, — Ли Цзысянь отступила на шаг, вытирая руки о ветошь. — Через два месяца в нашем городском художественном музее откроется крупная выставка. Хочешь выставить свою работу?

Лофань замер, не веря собственным ушам, а затем его лицо просияло:

— Правда? Но разве мне можно?

— По моей рекомендации — вполне.

— Спасибо, старшая сестра! Спасибо огромное!

— Но! — Ли Цзысянь мгновенно посерьезнела. — С твоим нынешним уровнем ты только опозоришь мое имя перед коллегами по цеху.

Лофань смущенно почесал затылок. Переведя взгляд на свой холст, он с грустью признал ее правоту. В профессиональных выставках участвуют мастера с именем, а он даже не оканчивал художественную академию.

— Поэтому, — еще строже добавила она, — следующие два месяца я устрою тебе настоящую проверку на прочность. Будем заниматься суровой технической дрессировкой. Понял?

— Так точно! — Лофань невольно вытянулся по струнке.

В повседневной жизни Ли Цзысянь могла казаться неряшливой и взбалмошной, но к искусству

всегда относилась с бескомпромиссной строгостью. Раз уж она решила поручиться за младшего соученика, то и спрашивать с него собиралась по всей строгости.

Задав ему тему для импровизации, она встала у него за спиной, дотошно выверяя каждый штрих и не прощая ни единой пометки. Все утро Лофань под ее чутким и суровым руководством полностью растворялся в мире красок. Но этот изнурительный полуденный марафон принес свои плоды — одаренный юноша совершил колоссальный качественный скачок.

Ровно в два часа дня на пороге появился его загадочный ученик. Как и прежде, этот холодный, статный мужчина вошел в студию в сопровождении Сяо Цяо и своего ассистента. Свободная повседневная одежда сидела на нем безупречно, подчеркивая широкие плечи и высокий рост. В каждом его неторопливом шаге сквозила уверенность и та благородная статность, которой обычно обладают топ-модели на подиумах мировых брендов.

«До чего же хорош!» — Лофань загляделся на него сквозь приоткрытые ламели жалюзи, не в силах отвести взгляд. Настроение мгновенно взлетело до небес. Юноша в очередной раз убедился: пока у него есть возможность любоваться такой неземной красотой, никакой Хэ Хуай с его хваленым очарованием ему не страшен. Уж в своего жениха он точно не влюбится!

Лофань распахнул стеклянную дверь и с озорной улыбкой шагнул навстречу гостю:

— Рад видеть вас, Одноклассник Линь! Целую вечность не виделись. А я уж грешным делом подумал, что вы ко мне больше ни ногой.

Все тот же открытый, обаятельный малый, в котором не было ни капли робкого почтения или холодной натянутости.

Одноклассник Линь окинул его нечитаемым взглядом темных глаз и сухо произнес:

— У меня мало времени, в четыре нужно уйти. Давайте начнем.

— С удовольствием!

Лофаню это было на руку — в шесть вечера его ждал официальный семейный ужин с семьей Хэ, так что ему и самому следовало освободиться пораньше. Ловко раскладывая кисти, палитру и тюбики с масляной краской, он поинтересовался:

— Что бы вы хотели запечатлеть сегодня на холсте?

— Мне все равно.

— Как насчет моря? — Лофань помнил, что мужчина приходит сюда за душевным покоем. А бескрайняя водная гладь и чистое небо как нельзя лучше подходили для того, чтобы унять внутреннюю тревогу и расслабиться.

— Хорошо, — негромко отозвался Одноклассник Линь. В его глубоком, бархатистом голосе скользнули привычные прохладные интонации.

— Мы ведь занимаемся уже в третий раз, верно? — Лофань закрепил чистый холст на подрамнике и шутливо вздохнул. — Будьте хоть чуточку приветливее. От вашего холода в комнате можно кондиционер выключать.

С этими словами юноша подался вперед. Склонив голову набок, он заглянул прямо в суровое лицо мужчины. На его тонких губах заиграла лукавая улыбка:

— Одноклассник Линь, ну улыбнитесь хоть раз. Улыбнитесь — и я приготовлю для вас сюрприз.

Невидимые защитные барьеры, которыми Хэ Хуай так тщательно окружал себя, рухнули в одно мгновение. В его личное пространство бесцеремонно ворвался чистый, едва уловимый аромат свежести и мыла, исходивший от юноши. Хэ Хуай почувствовал, как напрягся каждый нерв вдоль позвоночника.

Их лица разделяло от силы сантиметров тридцать. В темных глазах мужчины отразилось веселое, задорное лицо художника, а в прозрачном взгляде Лофаня — его собственное, полное глухого замешательства.

Сегодня Лофань пришел в просторной рубашке цвета пыльной розы. От легкого наклона воротник слегка распахнулся, и в поле зрения Хэ Хуая невольно попали изящные ключицы и очертания подтянутой, молодой груди. Юноша дышал теплом, и эта едва заметная волна жара, казалось, мгновенно нагрела воздух в мастерской.

Горло Хэ Хуая сухо сжалось. Сделав короткий вдох, он поспешно отвел взгляд в сторону, чувствуя, как мелко вздрогнули опущенные пальцы.

В прошлый раз слова Лофаня о браке по расчету не на шутку разозлили его. Хэ Хуай полагал, что проникнется к нему глубоким презрением — точно таким же, какое питал к самому себе. Но едва серая, удушливая реальность начинала давить на плечи, ноги сами несли его в студию «Илань». Прежде он тешил себя иллюзией, будто дело в магии живописи, расцвечивающей его мрачные будни яркими красками, и потому без конца продлевал уроки.

Теперь же пелена спала. Хэ Хуай отчетливо осознал: его тянуло не к искусству, а к этому мальчишке. Ведь его близость не вызывала у него привычного отторжения. Напротив, в душе

поднималось странное волнение. Особенно если вспомнить, что Лофань тоже привлекали мужчины...

В груди заворчалось глухое, томительное чувство, окончательно лишившее его душевного равновесия. Он снова повернул голову и натолкнулся на озорной взгляд сияющих глаз. Лофань заговорщически подмигнул, и его пушистые, изогнутые ресницы дрогнули. Этот мимолетный жест отозвался в сердце Хэ Хуая щекочущим, дразнящим теплом, которое невозможно было унять.

Не удержавшись, он тихо, хрипло спросил:

— И какой же сюрприз ты приготовил?

Лофань на мгновение растерялся. Он ведь просто хотел подразнить неприступного красавца и никакого сюрприза не планировал. Впрочем, находчивости ему было не занимать. Сохранив на лице лукавую мину, он ловко перехватил инициативу:

— Сначала подарите мне улыбку, а уж потом я раскрою все карты.

Все та же ребячливая дерзость и напускное легкомыслие. Самая настоящая детская игра, в которую он, взрослый и серьезный человек, почему-то позволил себя втянуть.

Хэ Хуай отвел взгляд и сухо отрезал:

— Я пришел сюда учиться, а не предаваться глупым забавам.

— Ладно-ладно, не ворчите! — Лофань примиряюще улыбнулся. — Сами же сказали, что это шутка. Просто хотел поднять вам настроение перед работой.

Юноша отступил на пару шагов и, взяв карандаш, принялся набрасывать контуры на холсте. Наваждение рассеялось, унося с собой дразнящее тепло чужого присутствия. Хэ Хуай ощутил внезапную пустоту, словно небольшая студия вмиг стала огромной и безжизненной. Он незаметно сделал глубокий вдох, пытаясь удержать едва различимый шлейф аромата, оставшийся в воздухе.

Глядя, как уверенно Лофань наносит первые штрихи на полуметровый холст, мужчина едва заметно нахмурился. В его душе шевельнулось тихое, тщательно скрываемое разочарование.

На самом деле... ему действительно хотелось узнать, что это за сюрприз.

Морские пейзажи давались Лофаню легко — здесь требовалось лишь грамотно распределить планы и поработать с перспективой. Спустя пару минут на белоснежном полотне проступили

очертания бескрайнего небосвода, набегающих волн и песчаной косы. В вышине кружили легкие силуэты чаек, а у кромки берега примостилась группа кокосовых пальм.

— Готово, — Лофань очертил последнюю пенную гребенку и повернул мольберт к ученику. — Композиция простая, с цветом управимся за часок. Помните, о чем мы говорили на первом уроке? Вы вольны раскрасить этот мир по своему вкусу. Пусть это будет безмятежная лазурь под ясным солнцем или грозовой шторм с ревущими волнами. Любые краски — на ваше усмотрение.

«Любые краски — на его усмотрение?»

Хэ Хуай задумчиво посмотрел на юношу глубоким, темным взглядом.

— Что-то не так? — поинтересовался Лофань.

— Все в порядке.

Опустив глаза, Хэ Хуай взял палитру и принялся смешивать масляные краски.

За прошедшие занятия он заметно набил руку: плоская кисть, густо пропитанная темным ультрамарином, уверенно скользила по холсту, закрашивая графичный набросок тяжелыми, грозowymi мазками. Было очевидно, что мужчина снова пришел не в духе. В его палитре преобладали исключительно мрачные, гнетущие тона — словно отражение тяжелых мыслей, глухого самобичевания и застарелой тоски, из тисков которой он никак не мог вырваться.

Лофань уселся на стул верхом, оперся подбородком о сложенные на спинке руки и нахмурился, наблюдая за работой. Он прекрасно помнил слова Ли Цзысянь о том, что у их обеспеченного гостя серьезные психологические проблемы. Какая же драма гложет душу этого потрясающего мужчины?

Воспользовавшись тем, что Одноклассник Линь полностью ушел в процесс, Лофань негромко, вкрадчиво спросил:

— Понимаю, что лезу не в свое дело, да и отвечать вы вряд ли захотите... Но все же, Одноклассник Линь, почему вы всякий раз приходите в таком унынии? Поделитесь со мной. Вдруг я смогу вас хоть немного развеселить?

Кисть в руке Хэ Хуая на мгновение замерла, но тут же продолжила движение.

— С чего ты взял, что я не в духе? — глухо спросил он.

— Да у вас на лбу это написано, — хмыкнул Лофань и, чуть подавшись вперед, добавил: —

Проблемы в бизнесе? Или на личном фронте что-то не ладится? Ну же, расскажите.

Хэ Хуай одарил его долгим, тяжелым взглядом. Его бездонные темные глаза так и веяли ледяным предупреждением, без лишних слов давая понять, что границу переступать не стоит.

— Ладно-ладно, молчу, — Лофань примирительно поднял ладони и снова устроил подбородок на спинке стула, заворуженно наблюдая за движениями кисти.

Одноклассник Линь был чертовски хорош собой. Безупречное телосложение — лишь половина дела; черты его лица обладали каким-то магнетическим притяжением, от которого кружилась голова. В какой-то момент Лофаня пронзило непреодолимое желание запечатлеть этот образ на бумаге. Младший наследник семьи Тан всегда шел на поводу у своих сиюминутных порывов, а потому медлить не стал.

Он бесшумно выудил из ящика небольшой планшет, закрепил на нем чистый лист бумаги и принялся за набросок. Чем дольше его карандаш скользил по бумаге, тем сильнее Лофань поражался идеальным пропорциям этого лица. Гордый, мужественный разлет бровей, безупречная лепка скул, чувственные, четко очерченные губы и волевой подбородок — мужчина словно сошел со страниц изысканного романа. Лофань ловил себя на том, что его дыхание становится все более прерывистым от эстетического восторга.

Как в одном человеке могла уживаться столь ошеломляющая красота и эта вечная, удушливая печаль, которой он отгораживался от всего мира? Какому счастливчику суждено растопить этот лед и проникнуть в его сердце?

На этой мысли Лофань замер. Карандаш застыл над бумагой. Не успев толком обдумать свои слова, он выпалил:

— Одноклассник Линь, а у вас есть девушка?

От этого вопроса рука Хэ Хуая дрогнула. Кисть соскользнула, оставив на бледном небе жирную, глубокую синюю полосу.

— У меня нет девушки, — тихо произнес он, медленно повернувшись к Лофаню. Голос его звучал глухо, с трудом сдерживая внутреннее напряжение. — Но у меня есть жених. Мужчина, с которым я должен сочетаться браком.

У Лофаня перехватило дыхание. Сердце предательски забилось чаще, а в душе вспыхнула неосознанная радость:

«Так он тоже по парням?!»

Но смысл сказанного тут же дошел до его сознания, и восторг угас. Сбавив тон, он осторожно

спросил:

— То есть... вы женитесь на своем возлюбленном?

— Да.

Получив короткий, утвердительный ответ, Лофань ощутил странную, нелогичную досаду. Он разочарованно потянул уголок губ:

— Понятно...

Такое сокровище — и уже занято.

Пропал всякий запал рисовать. Подперев щеку ладонью, Лофань уныло разглядывал точеный профиль собеседника:

— И... вы его любите?

— Любовь? — Хэ Хуай горько усмехнулся. — Разве это имеет значение?

— Еще какое! — горячо возразил Лофань. — Вам же с этим человеком всю жизнь вместе делить. Как это может быть неважно?

— А как же ты? — Хэ Хуай наконец повернулся к нему всем корпусом и в упор посмотрел на юношу. — Идешь под венец со стариком ради выгоды. Вы тоже без ума друг от друга?

— Что? — Лофань опешил, а затем нервно рассмеялся: — С чего вдруг мы переключились на меня? Вы что, презираете меня? — полушутя поинтересовался он. — Ну да, я ведь продажная душа, женюсь на богатом деде ради круглой суммы.

«Ради денег?» — Хэ Хуай взгляделся в его чистые, смеющиеся глаза, и пальцы крепче сжали древко кисти.

— Вот поэтому не берите с меня пример, — со вздохом добавил Лофань. — Берегите своего избранника. Людей на свете миллиарды, а отыскать родную душу — величайшее чудо.

— Пустое, — Хэ Хуай пренебрежительно фыркнул и, зачерпнув кистью жирный мазок темной краски, с силой провел по гребню нарисованной волны. Голос его прозвучал глухо и безжизненно: — Наш брак ничем не отличается от твоего. Чистый расчет. Через пару месяцев после свадьбы мы разведемся.

Лофанъ лишь молча захопал глазами.

<http://bllate.org/book/20617/2132504>